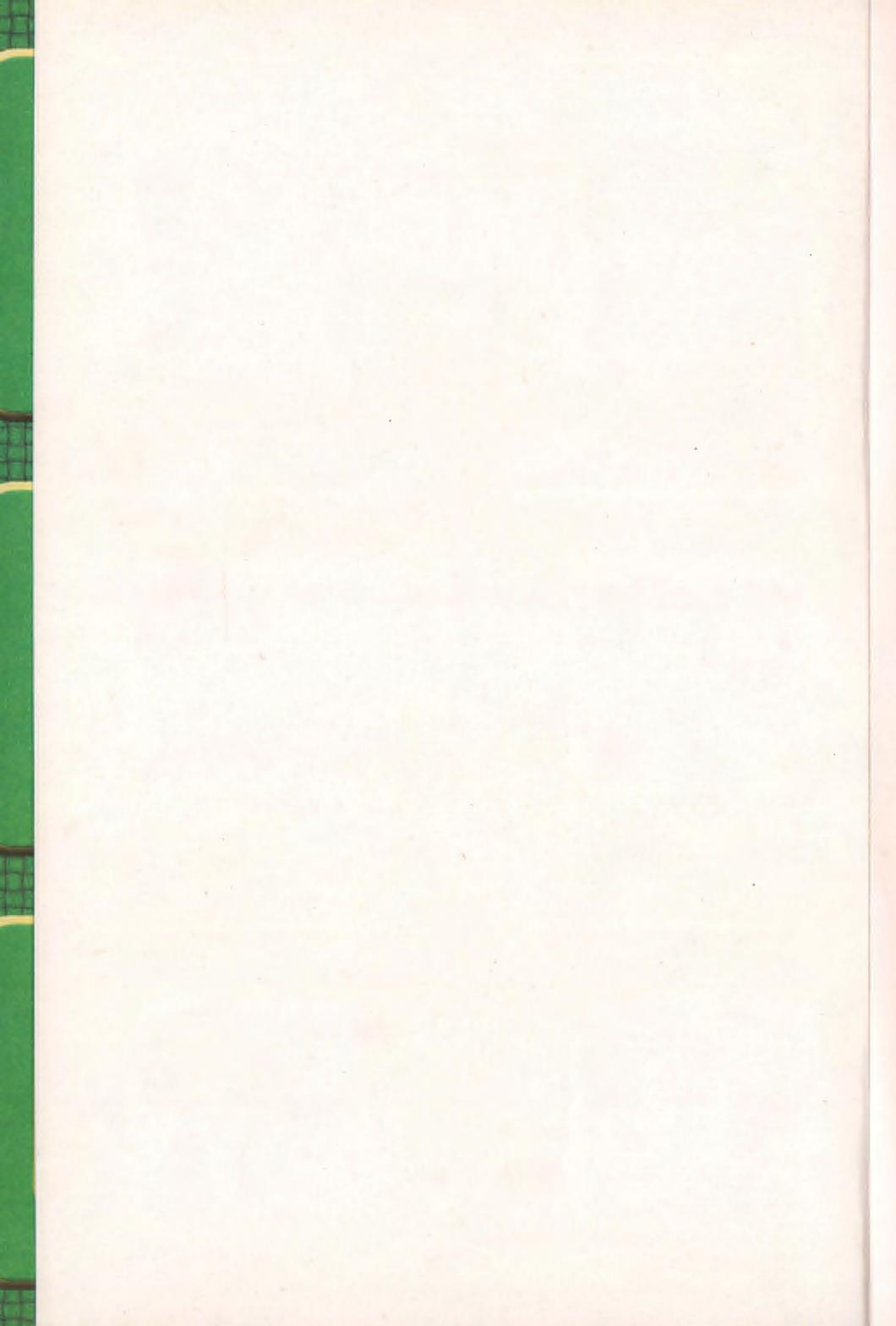

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Т. Александрова

ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И ВРЕДНЮЧКА

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2003

Т. Александрова

ДОМОВЕНОК
КУЗЬКА
И ВРЕДНЮЧКА

художник А. Шахтальян

ББК 84(2)
Д 46

ISBN 5-94563-331-3

© Г. Александрова, 2002
© Илл. А. Шахгелдян, 2002
© «Стрекоза-Пресс», 2003

Глава 1

В ГОСТЯХ ХОРОШО, А ДОМА ЛУЧШЕ

Целых три дня гостит домовенок Кузька у своего друга Лешика. Весело в лесу. Вчера вместе Бабу Ягу дразнили — грибами прикидывались и от нее бегали. Не больно-то и любит Баба Яга грибы, но с этими двумя, в красных шляпках, целый день в жмурки-пряталки играла. Не догнала, осерчала и ушла лютовать в Дом для плохого настроения. Был у нее такой дом специальный. Можно в нем было мусорить, посуду разбивать, всякие прочие безобразия разводить.

А Кузька с Лешиком набрали полный кузовок лесной ягоды и на раскрытое окошко Дома поставили. Догонялки-догонялками, но негоже старенькую Бабку Ежку обижать. У нее все зависит от настроения. В хорошем — плюшками накормит, дорогу куда-нибудь укажет, в баньке попарит.

Наелась Баба Яга ягод, перестала буянить и перешла в другой Дом — для хорошего настроения. В этом доме можно было только гостям радоваться, плюшки печь и все время улыбаться.

Тут и Кузька домой засобирался. В гостях хорошо, а дома — лучше. Особенно для такого хозяйственного и молодого домовенка, как Кузька.

Проводил его Лешик перед рассветом до опушки, помахал своей зеленой лапкой, грустно вильнул хвостиком. Жалко ему, что его друг — не лешонок, но он понимает, каждого ждут свои дела. И негоже надолго дом без хозяина оставлять.

Припустил Кузька бегом. Бежит по лугам, перепрыгивает бугорки и кочки, росинки ладошками сшибает. Росинки тоже не дремлют — какая домовенка по носу щелкает, какая на макушку шлепается. Так что добежал до дома Кузька — мокрый, чистый, умытый,

словно только что из баньки. И то хорошо: нельзя перед своим домом чумазым и лохматым являться. А то уважать перестанет.

Кастрюли у него блестели как солнце в лужах, тараканы в гости не жаловали, пироги в печи не переводились. Конечно, пироги пек вовсе не домовенок, но всем известно: каков домовый — таковы и хозяева.

К печи-то и направился Кузька в первую очередь. Лесные ягоды и грибы, конечно, хорошо, но без пирогов и каши ни один домовый долго не протянет. Не умеют они без пирогов и каши жить, и все тут.

Окошки в доме были прикрыты ставнями, поэтому двигался Кузька наугад. Направление-то он выбрал верное, да в темноте все равно ничего не видел. Поэтому и влип руками, ногами и даже головой во что-то теплое, мягкое и пушистое. Не успел он догадаться, что это его любимая и дисциплинированная кошка Фенечка, как она подскочила на всех четырех лапах, включила два своих зеленых глаза-прожектора и заметалась по избе.

Ужас, что тут началось! Повисла кошка на занавеске — с петель ее сорвала, прыгнула на подоконник — горшок цветочный нечаянно скинула, заскочила на стол — скатерку всю

комом сгрудила, налетела на заслонку — грохот подняла невообразимый. Только успел Кузька за сундук спрятаться, как бабушка поднялась.

Бабушку Настасью домовенок любил. Хорошая она была, смешливая. Домашних животных уважала, а самого Кузьку величала забавно и по-взрослому — батюшка. Смущался домовенок — ну какой он батюшка? Всего-то семь годков исполнилось, семь веков по-домовиному. На людях смущался, а сам радовался: всякому приятно, когда его за взрослого принимают. А еще, потихонечку от взрослых домашних, ставила бабушка Настасья для Кузьки тарелочку с чем-нибудь вкусненьким на шесток или под скамейку. Потихоньку не потому, что другим взрослым жалко каши или блинов, а потому, что видят домовых только дети малые да старики старые. А все остальные их не видят, обзываются на них «сказками» и смеются над теми, кто в эти сказки верит. А зря. Потому что домовым это обидно.

Обрадовался Кузька, что первой встала именно бабушка. Вот она сейчас кошку успокоит, ставни откроет и самого домовенка накормит. А сытый он с любой работой шутя справится. И все кошкино безобразие приберет.

Если бабушка, конечно, выйдет. А то при людях домовые порядок наводить стесняются. Даже если эти люди — старые старики и малые дети.

Глядит Кузька из-под скамейки на бабушку и будто не признает ее. Лицо у бабушки невеселое, глаза не лучатся, морщинки от улыбки не разбегаются.

— Брысь отсюда, окаянная!

Взяла непохожая на себя бабушка Настасья веник, да как запустит им в кошку! Растопырил веник прутья как сорока хвост, набрал скорость да прямо в Фенечку и спикировал. Взвыла кошка некошачьим голосом и бросилась куда глаза глядят. Хорошо, что глаза у нее глядели на дверь, а не на полку с посудой! А то еще неизвестно, чем тогда запустила бы в нее непохожая на себя бабушка Настасья!

Глава 2

КАВАРДАК-НЕПОРЯДОК

Ждал-ждал Кузька, когда выйдет бабушка коровку проведать, а она все не выходит. Сама прибираться в доме стала. А тут и все домашние проснулись. Так и не удалось домовенку ни пирогов отведать, ни Фенечкин разгром исправить.

Безделья хорошие домовые боятся как лягушки удавов. От безделья даже самый образцовый домовый заболевает ленью, становится толстым, капризным и нерадивым. И тогда его начинают звать некошным домовым. Некошный — самое неприятное прозвище для домового.

Впрочем, Кузьке это прозвище не грозило. Он не просто боялся безделья, он его терпеть не мог. Поэтому в те минуты, когда вся работа по дому была переделана, он играл с кошкой, читал Анюткину книжку про слонов или думал. Думать он любил вслух. Тихонечко-тихонечко, чтобы его дум никто не подслушал.

— И чего это Фенечка от меня задряпалась? — удивляется он. — В первый раз я в нее в темноте, что ли, втрюхиваюсь? Раньше втрюхивался, и ничего. Только мурчала. Может, хворь какая с ней сделалась? Или сон нехороший приснился? Вот сейчас выволоку Баюнка из-под подушки да задам ему!

Баюнок тоже жил в доме Кузьки. Жил он обычно на кроватях, под подушками. Днем набирался сил и сны сочинял, а ночью помогал уставшим людям скорее засыпать и показывал им интересные, цветные сновидения. Но иногда у Баюнка было плохое настроение,

он отбивался от рук и вместо правильных снов потихонечку от Кузьки показывал неправильные. Но домовенок все равно узнавал о его проделках. После неправильных снов люди вставали угрюмые, неразговорчивые и несчастные. Обычно они обвиняли во всем свою левую ногу, но уж Кузя-то знал, что нога здесь не при чем. Ни левая, ни правая.

— Ах, беда-беда-огорчение! Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! — причитал Кузька, в поисках Баюна. — И всего-то в отпуске три дня был, а власть переменялась. Был главным я, а теперь — Кавардак-непорядок. Вот тетехи, невразумихи, недотяпухи! Цветочки не политы, в сундуке все шиворот-навыворот, кошка недобрая, пауки, как оглашенные, паутину по углам плетут!

Тут дверь открылась и в комнату вошла Анютка. Кузька было испугался, под лавку шмыгнул, а потом вспомнил, что он не боится Анютку, и опять вышмыгнул. Вышмыгнул, подскочил к девочке и запрыгал на месте от нетерпения:

— Что ли мне и в отпуск съездить нельзя? Что ли без меня и в доме прибрать некому? Что ли и кошка ненакормленная, цветочки ненапоенные? Я же тебя за главную оставлял!

— Посмотрел уже! — закрутился юлой у нее под ногами Кузька. — Паутина в углах, пыль на столах, цветочки зачахли, чашки побились, вещи в сундуке переворошились, кошки взбесились, люди обленились!

— Люди не обленились, — вздыхает Анютка, — и я, и бабушка с ног сбились. Вечером наведем порядок, а утром встанем — как будто год в доме не прибирались. Бабушка Настасья на Фенечку думает, а мне кажется, что не может одна кошка столько бед наворотить. Кто-то ей помогает.

— Или мешает, — подпрыгнул на месте Кузька. — Кошки в доме для порядку заводятся. Не могут кошки безобразия творить. Не для того они придуманы. Это не мыши и не дети малые. Это у нас тут кто-то другой завелся.

Глава 3

ШИШКА-ВРЕДНЮЧКА

Не спится Кузьке, не играет Кузьке, не работает. Сидит домовенок на шестке печи, думает. Что же случилось, пока его дома не было? Неужели зловредная Баба Яга отомстила за догонялки и превратила его дом в Дом для плохого настроения? Да когда она

успела только! Сидит домовенок, думает. Тихо в доме, ночь, все смотрят интересные сны и не мешают думать домовенку. Только ходики тикают, тихо так, приятно. Совсем не мешают, а только говорят: «Не бойся, ты не один, мы-с-то-бой, мы-с-то-бой!».

А Кузька и не боится. Это его дом, кого он должен в собственном доме бояться? Только огня, а тот уже давно не балует, давно свое место знает. И вдруг кажется Кузьке, будто из норки мышинной мохнатая мышкина голова показалась.

— А вот я ее сейчас, — тихо обрадовался домовенок, — пусть только попробует к караваю подползти!

Любил Кузька мышей пугать. Они-то, глупые, только кошки боятся, а никак не могут запомнить, что главный враг всех непрошенных жильцов в избе — вовсе не кошка, а домовой. Притаится обычно Кузька в неприметном месте, сделается совсем маленьким, не больше мизинца, дождетса, когда серая вориска к хозяйской еде подкрадетса, прыгнет на нее сверху и давай кататься!

Носитса мышка по избе, как угорелая, пищит, сердешная, со страху, а Кузька еще и покрикивает:

— Но-но, залетная! Не притормаживай! Не

притормаживай! Шибче едешь — дальше будешь!

После таких скачек даже самые нахальные мышки паковали узелочки и перебирались со всем семейством в другие избы — в те, где не кошные домовые хозяйничали.

Притаился Кузька, ждет, когда нахалка в полный рост из норки выползет. Ждал-ждал и дождался. Выползла. Только не мышка, а непонятно что, неведома-зверушка какая-то. Ножки тоненькие, ручки длинненькие, голова лохматая, а из-под лохмулек два глаза блестят. Сердито так блестят, невежливо.

— Охти мне, батюшки! — тихонечко всплеснул руками Кузька от огорчения. — Все теперь понятно! Шишига в доме бесконтрольный завелся! Ну я ему сейчас!

Шишиги водились во многих домах. И ничего в этом неожиданного не было. Правда, все шишиги были большими врединами: заманивали в гости всяких мелких и неприятных насекомых, неожиданно роняли по но-

чам, когда все спят, громкие предметы, разливали на полу скользкое подсолнечное масло, прятали самые необходимые людям вещи или ставили на самый краешек полки банки с сахаром, перцем и мукой. Только человек протягивал руку к такой банке, как она ловко сваливалась прямо ему на голову, обсыпала его сахаром, перцем или мукой и разбивалась вдребезги. Шишиги от этого очень веселились.

Но обычно они побаивались и слушались домового, поэтому баловались редко, только когда совсем уже не могли терпеть. И домовые часто прощали им эти пакости. Ведь и среди детей попадаются такие, которые разбивают банки, просыпают сахар и поливают пол скользким подсолнечным маслом. И никто не выгоняет их за это из дома. Так, поругают немного, повоспитывают. Вот так же и с шишигами. Поворчит немного на них домовый, заставит в углу постоять и простит. Маленькие они, неразумные.

Всех своих шишиг Кузька знал наперечет. Он уже давно подружился с ними, научил их правилам хорошего поведения, а лишних даже передал своим друзьям-домовым, чтобы они подавали положительный пример ши-

шигам в других домах. Но этот шишига был ему незнаком. И подать ему положительный пример было некому, потому что всех своих шишиг Кузька отпустил в отпуск, в соседнюю деревню. Вот домовенок и решил сначала потихонечку посмотреть со своего шестка, что же будет делать в его доме этот чужой Вреднючка.

Он вышел на середину избы, огляделся, глазки за грязными лохматульками сердито блеснули:

— Опять весь бешпорядок мне ишпортили! Опять мне трудиться, не покладая ручков, ножков и зубков!

Шишига-вреднючка шумно фыркнул и подкатился к полке с чашками:

— Где тут у меня мои любимые чашечки? Где крашивенькие тарелочки? Сейчас мы их быстро в порядочек приведем!

С этими словами негодник взял в руки самую красивую, с голубенькой каемочкой чашечку и стал быстро-быстро подгрызать ей ручку.

Кузька весь извертелся на своем шестке. Как хотелось ему спрыгнуть с печки, подбежать к безобразнику и отшлепать его! Но еще старый домовый Папила учил маленького Кузьку:

— Чтобы вреднючку проучить, надо его изучить.

И домовенок мужественно изучал пакостника. А чтобы было легче изучать и ничего не делать, тихо бормотал себе под нос:

— Сейчас, сейчас, только еще немножко поизучаю и ка-а-ак жваркнусь с печки, ка-а-ак подскочу, как наподдам, узнаешь, как у чашек ручки подгрызать!

Пока он так бормотал, шишига подобрался к тарелке и начал пилить в ней тонкую, незаметную для людей трещинку. Пилит, а сам наговаривает:

Ты пились, пились тарелка,
Пусть возьмет тарелку дедка,
Как в тарелке будет каша,
Ражломись тарелка наша,
Каша — на штанах, дети — в углах.

— Ага, — понял Кузька, — так шишига нарочно незаметные трещинки в посуде делает, чтобы она развалилась прямо в руках хозяев! Как он там бормочет? Каша — на штанах, дети — в углах? И еще ребятишек обвинить хочет!

А Вреднючка тем временем добрался до горшочка с медом. Нырнул целиком в мед, только голову оставил, чтобы глаза не щипало, выбрался из горшка и давай по полу кататься — от печки до самой двери. Катится и бормочет себе под нос. Если у него есть нос, конечно, а то за лохматульками не то, что носа, ушей — и то не видать.

Ты катись, катись, шишига,
Люди скажут мне шпашибо,
Будут дружно пол лизать,
Таракашек поджидать.

— Это он тараканов на мед приманивает! — всплеснул руками Кузька.

Глава 4

КАК КУЗЬКА «ВЛИП»

Больше терпеть он не мог. Изучение — изучением, а нервы — нервами. Ни один порядочный домовый не может позволить, чтобы на его глазах так обижали его родной дом. Только собрался он жваркнуться с печки, как шишига — раз — и выскочил за дверь. Почуял, видать, недоброе и решил деру дать.

Но Кузька был уже доведен до крайности. Соскочил он с шестка и помчался в погоню. Да не тут-то было. Забыл домовенок, что вреднючий шишига мед по полу размазал, и вляпался двумя ногами в сладкую янтарную лужицу. Чуть не плачет бедный Кузя, никак не может из вязкого плена выбраться. Скоро уж рассвет настанет, люди проснутся, а он так и будет стоять посреди комнаты собственной персоной. Ужас просто!

— Ой, беда, беда, огорчение, — взвыл дурным голосом Кузька, — попался таракашкам на угощение. Теперь сто веков мне здесь стоять, честных домовых пугать, не видать мне красного солнышка, не играть в жмурки-пряталки с Бабой Ягой, не заплетать гриву лошадке Марсику!

— А ты мед весь слижи, он и отлипнет, — посоветовал ему вкрадчивый голосок за спиной.

Испугался Кузька, дернулся, не удержался на ногах, упал и прилип к сладкому полу всем брюшком. А зря испугался. Потому что разговаривала с ним хорошая и покладистая кошка Фенечка, а не неведомое чудище. Лежит бедный домовенок на брюшке, чуть не плачет, держит ладошки на весу, чтобы они хоть не прилипли.

— Как же я весь мед слижу, — жалуется он, — у меня же язык маленький, а не как у змеи или ящерицы. Я везде не достану. Лучше ты слижи, пока тоже не влипла.

— Вот если бы кто сметану либо сливки пролил, я бы с превеликим удовольствием, — мурлычет Фенечка, — а мед мы, кошки, не едим. Вот если ты позволишь мне на пол крынку со сливками опрокинуть, тогда, может быть, помогу. Вместе со сливками и мед слижу.

Задумался Кузька. Жалко ему целую крынку сливок на свое освобождение тратить. И что скажут о нем другие домовые, если позволит он кошке такое безобразие учинить? Нет, никак нельзя крынку на пол скидывать.

А с другой стороны, не век же ему к полу приклеенным лежать! И руки уже устали, так и

хочется ими об пол упереться! А нельзя. Тоже прилипнут, тогда еще страшнее будет. Но на то и был Кузька непростым домовенком, чтобы найти выход из самой сложной ситуации.

— Ой, — испугался он, — чего это у тебя в хвосте возюкается?

— Где? — тоже испугалась кошка.

А кошки очень не любят, когда у них в хвостах кто-нибудь возюкается. Фенечка приподняла хвост, внимательно осмотрела его со всех сторон, но никого не увидела.

— Вон, вон, — продолжает интриговать ее Кузька, — на самом кончике. Наверное, блоха завелась. Или лишай даже, — приврал он для пущего страху.

А для кошки ничего нет страшнее лишая. Потому что лишаистых кошек никто не гладит по лишаистой шерстке, и даже детям не разрешают играть с ними, хотя они ни в чем не виноваты. Так и живут они: неглаженные, грустные, лишаистые, пока не уйдет лишай. А он не уходит долго.

У Фенечки никогда не было лишаев, и она не знала, как они выглядят. Но зато она прекрасно знала все их последствия. Поэтому она вытращила глаза и стала с ужасом рассматривать свой ставший опасным хвост.

— Вон-вон, — кричит из последних сил до-

мовенок, — сейчас уже своими зубищами вцепится! Давай сниму.

Перепуганная кошка быстро дает свой хвост домовенку, а тому только того и надо. Вцепился Кузька своими ручками в пушистый хвост кошки, да так крепко, что та еще больше испугалась. Подумала, что это лишай ее кусает. Дернула хвостом, домовенок и отлетел от вязкого пола. Сидят оба на полу, липкие, уставшие, сердитые. Фенечка — на Кузьку, что обманул. Кузька — на мед, что прицепился. А тут дверь открывается и просовывается лохматая шишигина голова. Не заметил в тем-

ноте Вреднючка домовенка с кошкой, раздул щеки, дунул, и вся изба утонула в клубах пыли.

Это шишига специально собрал пыль на улице и за щекой принес в дом. Пока Кузька с кошкой чихали, отплеывались да глаза протирали, шишига проскользнул в свое логово и исчез. Сам-то он исчез, а на занавесках, лавках; полу, кошке и домовенке остался лежать толстый слой пыли.

Отчихался Кузька, проморгался, осмотрелся и говорит:

— Ну берегись, шишига бесконтрольная. Домовенок Кузька вызывает тебя на бой!

Глава 5

ШИШИТУ ЖАЛКО

Сидит Кузя со своим другом Нафаней и девочкой Анюткой на травке возле коровника, жалуется им на свою беду. Задал ему Вреднючка работенку, всю ночь трудился домовенок: пыль убирал, мед слизывал, подпиленные тарелки и чашки обратно склеивал. А потом еще два часа бегал по лугу, сам в росе мылся. А то страшно представить было, что случилось бы, если он таким же липким и грязным день встретил. От одних мух отбоя не было бы.

— Какой он, шишига этот? — спрашивает Нафаня. — Скажи, может, знаю чей. Отправим Вреднючку в свой дом, пусть его домой и мучается. А то, глядишь, и твоих шишиг всех перевоспитает. Тоже безобразничать начнут.

— Какой-какой? Никудышный. Ручки-ножки тоненькие, как лапы у мышки, — сердито говорит Кузька.

— Голодненький, наверное, — вздыхает жалостливая Анютка.

— Шепелявит. Говорит — не поймешь ничего. Как младенец в люльке, — презрительно фыркает Кузька.

— Никто с ребенком не занимается, сирота, наверное, — жалеет Анютка.

— Головенка лохматая, нечесанная, невымытая, как швабра у нерадивой хозяйки. За лохматульками даже ушей и носа не видно, — уже не так сердито ворчит домовенок.

— И никто о нем не заботится, — пригорюнивается девочка.

— Через космы только глазенки блестят, — почти совсем мирно продолжает Кузька, — сердитые такие, колючие, дикие.

— Бедненький, — совсем расстраивается Анютка, — никто его, маленького, не любит.

— И нечего его любить, — пытается снова разозлиться домовенок, — вот пусть только попадется мне. Посмотрим, кто кого. У меня мышцы, кулаки, и я приемчики знаю. Баба Яга показала. Как ногой кувыкну, как голосом киякну, как рукой жваркну, так и дорогу в избу мою забудет.

На самом деле Кузька совсем не хотел «кувыкать, киякать и жваркать» шишигу. Ему почему-то и самому стало жалко это маленькое, никому не нужное, никем не любимое создание. Он просто не хотел показывать виду. Настоящие домовые должны безжалостно защищать свой дом от всякой пакости, иначе они — не настоящие домовые.

— Значит, прогонять будешь? — заволновался Нафаня, — надо бы в своей избе все щели позаделать, чтобы ко мне ненароком не пришел. Да и другим домовым передать. А то шишига, кажись, не наш, пришлый. Теперь так и будет дом в нашей деревне подыскивать.

— И будет бедненький шишига скитаться от дома к дому, стучаться в закрытые двери, а его все гнать будут и никто не даст ему ночлега и чашки чая, — чуть не плачет Анютка. — А может, просто никто и не пытался его воспитывать? Может, он просто не знает, что такое хорошо, а что такое плохо?

— Ему чашку чаю дашь, а он ручку ей перегрызет. Сам перегрызет, сам и кипятком обварится, — ворчит Кузька.

Ворчит, а сам думает: а может, и впрямь попробовать перевоспитать шишигу? Маленький он еще, несмышленный. Негоже такому большому и серьезному домовому, как Кузька, маленьким и глупым в помощи отказывать.

Встает домовенок, гордо поднимает голову и говорит:

— Не буду я пугать этого шишигу. Я его по-другому побеждать буду. Я из него образцово-показательного шишигу делать буду. Он у меня еще на «Доске почета шишиг» висеть будет!

Глава 6

СЛОНОЛОШАДКА

Сказал и, недолго думая, принялся за дело. Сначала следовало подлечить домашние цветочки в горшках. Противный шишига за время Кузькиного отсутствия столько тли, клещиков и гусениц из леса натаскал, что листики растений совсем пожухли, а бутоны потемнели и опустили головки. Сосут паразиты соки из цветов, чавкают страшными челюстями, заклеивают поры липкими лужами.

Задыхаются цветы, чахнут, нет у них мускулов, кулаков и зубов. И даже голоса зычного нет, чтобы они киякнуть могли. Нечем им бороться с врагами. Только и могут они тихо просить о помощи. Но голос их так тих, что не каждый услышит его, а только самый чуткий и внимательный. И тот, кто понимает язык птиц, зверей и растений. Домовой, например.

— Он и водичку у нас всю выпивает, — жалуются наперебой цветы Кузьке, — бабушка Настасья польет нас, а он сунет свой хоботок в землю и всю влагу высосет. Глядь — земля опять сухая, как каменная.

Слушает Кузька и все передает Анютке. А у той слезы на глазах. От стыда и от жалости. Лето, бегают девочка целыми днями на улице и недосуг ей посмотреть, что с цветами делается. А они погибают.

Не стала она дальше слушать, подхватила ведро и помчалась к прозрачному роднику за водой. Прибежала, хотела полить цветы, а Кузька не дает. Вместо этого, почему-то берет воду в горсть и на девочку брызгает.

— Что ты, Кузенька, холодная же, — прикрывается руками Анютка, — неприятно.

— Тебе неприятно, а цветам приятно? — ворчит он. — Взяли моду: сами тепленькой водичкой моются, а цветы — ледяной поливают. Подожди, когда согреется, а потом и лей. А то больно торопливая. Торопышка ела шишки, поломала все зубишки.

— Может, я тогда горячей разбавлю? — не обижается на дразнилку девочка.

— Горячей! — всплескивает руками Кузька. — Цветочки — горячей! Вот неразумиха недотепистая! Корешочки у них какие? Нежные, тонкие. От горячей воды сварятся. Вот пусть вода в комнате немного постоит, сама нужную температуру и примет. А ты пока возьми тряпочку чистую и листики протирай. А я буду с паразитами переговоры вести.

Анютка с радостью принялась за дело. И то приятно: висят листья мутные, пыльные, некрасивые, а проведешь по ним тряпочкой — заиграет глянец на листе, откроется рисунок и окажется, что каждый лист не просто зеленый, а с тонкими прожилками. Интересно разбегаются прожилки, ровненько, на каждом цветке — свой рисунок, один другого затейливее. Увлеклась Анютка, не слышит, как

Кузька с вредителями разговаривает. Да и не может слышать, потому как говорит он на вредительском языке. А он тихий-тихий, его только цветы, вредители да рыбы слышат.

— Вот завтракаете вы тут, а не знаете, какая беда-катастрофа на вас надвигается, — приторно-жалостливым тоном говорит Кузька.

Не отвечают ему паразиты, знай работают челюстями. Не любят они разговаривать ни о чем, кроме еды. Интересы у них такие. И только одна тля, самая юная и зеленая, а поэтому самая любопытная, не выдерживает.

— И чего ты глупости говоришь? Никакая беда не надвигается. Бабушка моя вчера сама на верхушку фикуса залезла. Здесь цветов еще на неделю хватит. А неделя — это очень много. За это время пузико так набить можно, что ползать тяжело станет. А ты говоришь — беда.

— Вот то-то и беда, что уготовили вам люди тяжкую долю, страшную кончину. Как только набьете вы пузико свое так, что ползать не сможете, запустят в дом люди пожирателя насекомых. Зубы — как вилы, язык — как лопата, хвост — как метла, ноги — как печки. Как начнет пожиратель вас хвостом сметать, ногами топтать, языком слизывать — никто не убежит. А кто убежит, того зубом достанет.

Смотрит Кузька, уже не только тля молоденькая прислушивается к его словам. Другие паразиты еще вида не показывают, что испугались, а есть уже перестали.

— И как же прозывается этот пожиратель невиданный? — у маленькой тли от ужаса даже лапки вспотели.

— Слон, — врет Кузька первое, что приходит ему в голову.

— Чего-то не слыхала про такого, — выползла вперед самая старая, мудрая тля. — Не водились такие в наших местностях.

— Не водились, а теперь завелись, — авторитетным тоном заявил Кузька, — теперь вместо лошадей работать будут. Их так и зовут у нас: слонолошадки. Силищи у них немерено, а питания немного требуют. Немножко тли, горстку клещиков, шепотку червяков — и сыты. Так что вы уж не уходите. А то нам новую слонолошадку кормить нечем будет.

Задумались паразиты, да ненадолго. Мозгов-то у них мало, долго думать они не умеют. И стоило только одному клещику медленно повернуться в сторону щелки в оконной раме, как за ним моментально выстроилась очередь. Вредители — насекомые боязливые. И

новая лошадка людей, по прозвищу Слон, им совсем не понравилась.

Как только последняя, самая маленькая и зеленая тля скрылась за окном, бутоны красной герани щелкнули и медленно раскрылись. За ними выпустила бутоны синяя фиалка. И, немного подумав, зацвела белая роза.

— Как красиво! — закружилась на месте Анютка.

Глава 7

ПОДАРОК

— Какая гадошть! — скривился шишига.

Давно поджидал его Кузька. Сидел он на своем шестке, все ждал, когда шишига появится. И дождался. Выполз шишига из своей норки — и сразу к цветам. Сначала всю воду из земли высосал, потом пылью листья присыпал и только тут заметил, что не ползают по листьям вредители, а бутоны подняли свои головки и цветут всеми цветами радуги.

— Мерзошть, мерзошть, — топает ногами и плюется от ярости шишига, — я вам покажу, как цвести! Я вам покажу, как хорошеть!

Плюется, а сам ручонками своими тонкими на всякий случай прикрывается. Как ни безо-

бидны цветы, а хлестнуть веткой или кольнуть шипом ой как больно могут!

Странное дело! Цветы, которые до того всегда пытались защититься от шишиги, стоят, не шелохнуться. Только еще сильнее расточают свой аромат, только еще больше раскрывают свои соцветия. Даже у самой маленькой, совсем юной еще гераньки налились бутоны, вот-вот раскроются!

Подскочил шишига к этой гераньке, топнул ногой:

— Не шмей цвешти, не шмей!

А та натужилась да и раскрыла лепестки. А лепестки необычные, белоснежные, с ярко-алой каймой. Удивился Вреднючка: никогда раньше он такой герани не видел! А цветку того и надо: не успел шишига опомниться, как скинула геранька самый красивый бутон и мягко опустила на лохматую голову шишиге. Лежит бутон на грязной головке негодника, как шапочка. Красивая такая шапочка, яркая, ароматная.

— Это тебе, — только и шепнула юная геранька.

Совсем опешил бедный шишига. Колоть шипами его кололи, хлестать ветками — хлестали, нос пыльцой пачкать — пачкали. А вот шапочки дарить — никогда. Постоял он не-

много, как вкопанный, скинул с головы подарок и шмыгнул в свою норку. Так растерялся бедный, что и пакостить в эту ночь забыл.

Но к рассвету вернулся. Тихо, оглядываясь, подполз к брошенному бутону, спрятал его за рванный ворот замусоленной рубахи и уполз опять. Видать, по сердцу пришелся подарок. Видать, никто до того шапочек ему не дарил.

* * *

— Спасибо, спасибо, — мягко захлопали цветы своими листочками, — ты спас нас!

— Да ладно уж, чего там, — совсем смутился Кузька. — Вы сами все сделали, а я только в засаде с дрыном стоял.

Дрын Кузька приготовил на тот случай, если бы его план не сработал. Душа шишиги — загадка. Он мог на ласку цветов разозлиться еще больше, тогда из своей засады выскочил бы домовенок с дрыном. Шишига понял бы, что Кузька — это не цветочек, у него и дрын, и голос в полном порядке. И убежал бы. Но к крайним мерам прибегать не пришлось. Цветы сделали все, как надо.

Раскланялся Кузька с цветами и юркнул в мышиную норку. В ту самую, в которую убежал

шишига. Надо же было ему узнать, где прячется от дневного света маленький негодник!

Мышиные ходы Кузька знал прекрасно.. Скоро пробежался он по всем развилкам и тупикам и вышел в новый тупик, вырытый совсем недавно.

Тихо, темно было в тупике. Да домовые в темноте лучше кошек видят, а в тишине лучше рыб слышат. Присмотрелся, прислушался Кузька и видит: лежит в самом углу маленький шишига. Умаялся. Шапочку из цветка герани за спинку спрятал, мордочкой в тряпочку замызганную зарылся, носиком посапывает, губами причмокивает, тоненькими ручками к себе большую деревянную ложку прижимает. Старая ложка, некрасивая, мышами погрызанная, в грязи вывалянная, смотреть противно. А шишига ее вроде любит.

Глава 8

ПЕРИНКА ДЛЯ ВРЕДНЮЧКИ

Анютка утром проснулась и увидела Кузьку, да не одного, а с коробочкой. В этой коробочке она хранила лоскутки разноцветные, один другого краше — и зеленые с ромашками белыми, и красные в белый горох, и шелковые

голубые, совсем без рисунка, но с переливами.

— Как ты коробочку мою на кровать поднял? Она же для тебя большая и тяжелая?

— И не то поднимешь, когда дите пропадает! Вставай скорее, вдевай иголку в нитку.

— Зачем?

— Постельку будешь шишиге шить. Как у куклы твоей и даже краше. С оборками. Я для подушки уже и пуха гусяного собрал.

Не стала Анютка медлить. А иголка не слушается, пальцы колет, материю сборит, никак не получается красивая постелька для шишиги. Да тут еще Кузька. Каждые пять минут высовывается из-за печки и кричит:

— Готова постелька? Нет? Поторапливайся, поторапливайся!

Чуть не плачет Анютка. Для ее-то куклы все бабушка Настасья сшила.

— Вот тетеха-недотеха-неумеха! — вывернулся из-под лавки Кузька. — Ничего ей и поручить нельзя. Двигайся, сам шить буду.

Сел он рядом с девочкой, схватил иголку, воткнул ее в шелк, да как закричит, как запрыгает, как завертится! Портной из него некудышный оказался. Еще хуже, чем из Аютки.

Подошла к ним бабушка Настасья. Лицо серьезное, а глаза смеются. Не спрашивает, зачем им постельку шить понадобилось. Бабушки — они такие. Ничего не спрашивают, а все знают.

— Это все иголка виновата, — говорит, — неумеха, а не иголка вам попалась. Возьмите мою!

Села рядом с внучкой, показала ей, как стежки делать надо. И скоро постелька для шишиги была готова. Да какая! Середка синяя, как васильки, краешки белые, как тополиный пух, а оборка голубая, переливчатая.

Кузьке даже стало немножко жалко отдавать такую постельку шишиге. Но он эту жалость поборол. Все есть у Кузьки — и друзья, и дом, и пироги в печке. А у шишигивреднючки этого нет ничего, кроме уже увядшей шапочки из цветка герани и грязной деревянной ложки.

С трудом дождался Кузька ночи, когда люди уснут. Это только домовые и днем могут по

избе шнырять, а шишиги больше по ночам шалют. Притаился Кузька, смотрит, шишига в первую очередь к цветочкам направился. Но воду из земли пить не стал.

— Цветете? — спрашивает. — Зеленеете? Шмотрите у меня. Только попробуйте жавянуть. Я вам покажу!

И кулачками своими махонькими грозит. Потом еще рядом покрутился, смахнул пылинку с листа фикуса, набрал полные щеки воды и прыснул на цветы. Смешно им, приятно, думают цветы, что это дождик. А шишига знай старается: вроде и баловство это, а его новым друзьям нравится.

Пока он так забавлялся, шмыгнул Кузька в мышиную нору и дотащил до угла шишиги постельку. Постелил, как мог, оборочки расправил — и бегом обратно. Да вовремя. Шишига шапочку свою забыл, за ней вернулся. Увидел, что кто-то в его углу хозяйничал, разозлился, плюется, шипит, ногами топает. Схватил постельку и поволок по мышиным ходам обратно. А Кузя в норе затаился. И интересно ему, что шишига делать собрался.

А негодник и рад стараться: постельку в печку закинул и давай безобразничать! В сундуке бабушкином все переворошил, пыль за

щеками вдвое больше с улицы принес, Фенечке хвост дверью прищемил, паутиной все углы завесил. Только цветы не тронул. И довольный в свой угол спать пошел. Проходит мимо Кузьки и бормочет себе под нос:

— Я им покажу, как мне гадошти делать! Шами шапочку мою скрасть хотели, а поштельку швою нечаянно оштавили! Пушьть теперь только шунутся! Я им покажу!

Что собирался показать шишига «им», Кузька так и не понял. Но когда он выполз из мышиной норки, волосы его встали дыбом. Если бы он видел, какой разгром учинил шишига, он забыл бы о перевоспитании, а победил бы его дрыном и кулаками. А сейчас уже было некогда. Петух первый раз кричать собрался, до третьего крика надо было в доме порядок навести.

Умаялся Кузька, но успел. Пока хозяева спят, побежал в конюшню лошадке Марсику гриву в косички заплетать. Убежал и не видел, как выполз из норы заспанный шишига, залез в печку, нашел там свою новую постельку и уволок ее обратно, в свой угол. Шишига был, конечно, гордый. Но гордости у него было много, а такой красивой и мягкой постельки было мало. Точнее, никогда не было.

ЛОЖКА — БЫСТРЫЕ НОЖКИ

— Все, — ругается Кузька, — нервов моих больше нету. Не буду больше перевоспитывать шишигу. Сяду сегодня ночью в засаду и жваркну его! Пусть дряпает!

— И жваркни, — поддерживает его Анютка.

— А еще кулак покажу, — не совсем уверенно продолжает домовенок.

— И кулак покажи, — разрешает девочка.

— А еще улюлюкну, — тихо-тихо грозит Кузька и смотрит из-под бровей на подружку.

— А еще улюлюкни, — улыбается она.

— А чего ты меня совсем не отговариваешь? — сердится Кузька. — Ты меня должна отговаривать. Я должен злиться, а ты мне должна говорить разные жалкие слова: «Он маленький, его никто не любит, его никто в баньке не парит!».

— Ты и сам эти жалкие слова знаешь. Зачем их лишний раз говорить?

— Я так не играю, — продолжает сердиться Кузька, — слишком умная становишься, скоро будешь, как взрослая. Тогда с тобой точно каши не сварить.

Ничего не отвечает Анютка, только хохочет.

Да и Кузьке уже надоело сердиться. У него уже новые идеи в голову стучатся, так что злобинкам в голове места совсем нету. Прыгает он девочке на колени и эти идеи ей в ухо шепчет. На глазах светлеет лицо Анютки.

— Хорошо, — кивает она головой и бежит к плотнику Левонтию.

А у Кузьки свои дела. Никак шишигина ложка из головы у него не выходит. Как только уснул шишига в своей новой постельке, утащил домовенок у него эту ложку, выбежал с ней на берег ручья, песочком почистил, в воде родниковой прополоскал, там, где мыши погрызли, острым камушком сровнял. И сам удивился. Ложка-то оказалась красивая! Сама желтая, а посередке колокольчик голубой нарисован! Не ложка, а праздник. Даже есть такой жалко.

Прибежал домовенок в избу, заботы все свои домовиные справил, а ложку в банку с хозяйскими ложками поставил. Уселся на шесток и ждет. Хорошо ему сидеть, ему все видеть, а его никто не видит.

А вот и шишига выполз. Грустный какой-то вялый. Безобразничает, но как-то без удовольствия, только и сделал, что почихал в печке так, что вся зола по избе разлетелась, да

Фенечке хвост в варенье вымазал. Фыркает кошка, бегаёт по избе, пол и стены липким хвостом метёт, а Кузька терпит. Не хочет свой план нарушать. Терпел, терпел, и говорит грубым голосом:

— Здравствуй, хозяин!

— Кто это? — дернулся шишига.

— Это я, ложка твоя. Как жизнь молодецкая?

— Где лозка? — заметался по углам шишига.

Ложка-то перед самым его носом стоит, а он ее, отмытую, не узнает. Подождал немного домовенок и сжалился.

— Да здесь я, в банке, с колокольчиком.

Подбежал шишига к банке, увидел отмытую ложку, плюнул на пол и кричит:

— Неправда ваша! Моя ложка красивше была! Грязненькая, чумазенькая, хорошенькая!

— Да я это, я, только меня мыши на свет выволокли, люди нашли и отмыли. Не пойду больше к тебе жить. Мне у тебя плохо, ты меня не любишь, не моешь, не холишь.

— А я тебя силком уволоку, — горячится шишига, — да еще и укушу, чтобы бегать неподвадно было!

— Кусай, на здоровье, я деревянная, мне не больно. А уволокешь — опять убегу. Я ложка —

быстрые ножки. Теперь всегда у людей жить буду, — отвечает Кузька ложкиным голосом.

— Это мы еще пошмотрим! — сердится шишига.

Пинает он банку ногой, рассыпает все ложки, хватает свою и уволакивает в норку. А на шестке домовенок смеется-закатывается. Понравилось ему за ложку разговаривать.

С этого момента Кузька только и ждет, когда шишига ложку свою без присмотра оставит. Тут же хватает ее, моет, чистит и в компанию с хозяйским ложками ставит. Тот уж ее и под пе-

ринку прятал, и ниточкой привязывал, и в землю закапывал — все без толку. Крепился-крепился шишига, и сдался. Сам свою ложку начищает, намывает, чистой тряпочкой полирует. Не получается у него, не привык он о вещах заботиться, да Кузька его ложкиным голосом подбодряет:

— Спинку почеси, спинку! А теперь голову помой. Хорошо! Спасибо тебе, хозяин!

Перестала его ложка к людям убежать. А к тому времени плотник Левонтий по Анюткиному заказу маленькую чашечку и тарелочку из дерева выточил, а Кузька их в пыли вывалял и в грязи испачкал. Приходит как-то шишига в свое логово, а там кроме ложки еще два гостя.

— Вот, привела, — говорит Кузька ложкиным голосом, — от нерадивых хозяев убежали, будут у нас жить, если ты их любить будешь. А если нет, к другим хозяевам уйдут.

— Буду любить, буду, — машет руками шишига, — нечего им других хозяев ишкать, по швету мыкаться. А нам посуда шамим нужна.

Отмыл шишига чашку с тарелкой от грязи и засмеялся от радости. Ни них точно такие колокольчики оказались, как на его ложке.

— Сестрички нашлись! — радуется ложка.

А это Анютка специально разрисовала посуду колокольчиками, как на ложке. Чтобы у шишиги свой сервиз завелся.

Всю ночь ухаживал за своим сервизом шишига. Говорил ему разные слова ласковые, с места на место перетаскивал. Кузька даже притомился за посуду разговаривать. Притомился, зевнул сладко и говорит ложкиным голосом:

— Теперь я спать буду, а ты мне не мешай.

— Как не мешать? — пугается шишига. — Не разговаривать? Не чистить? Не ташкать?

— Таскать и чистить можно, — щедро разрешает Кузька, — и разговаривай, если пожелаешь. А вот отвечать я тебе долго не буду. Притомилась.

В конце концов, у домовенка кроме воспитания шишиг дел немало. Не может он целыми днями ложкиным голосом всякие глупости говорить.

К вечеру вспомнил Кузька и про шишигу. Вспомнил и по лбу себя ладошкой — хлоп!

— Вот тетеха беспамятливая! Тарелку дал, а в тарелку положить забыл!

Подбежал он бабушке Настасье, вытащил из печки пирожок самый румяный и — бе-

жать. Пирожок горячий, руки жжет, торопится Кузька — вот-вот шишига проснуться может!

Но успел. Добежал до логова, пирожок на тарелку положил и спрятался. И вовремя! Шишига как раз на своей постельке потягивается, позевывает, помаргивает. Встал, и сразу к своему сервизу. А там — сюрприз! Пирожок с малиной! Румяный, глянцевоый, жаром так и пышет, ароматом с ног сшибает.

Скривился шишига:

— Ты чего на моей тарелочке разлегся! Всю ее только ишпачкал! Вон отсюда!

Схватил пирожок да как запустит им в мышью пробежавшую! Мышь пискнула, но пирожок прихватила. А шишига притащил откуда-то горсть ржавых гвоздей, разложил их красиво на тарелочке, насыпал в чашку пригоршню песка, сидит, гвоздики погрызывает, песочком прихлебывает да нахваливает:

— Надо же! Из моего сервиза даже шамаю проштая еда вдвойне вкуснее кажется!

— Ого-го, — чешет в своей засаде затылок Кузька, — оказывается, не все пирожки-то любят! Оказывается, для кого-то гвоздь вкуснее вареника!

РЕЦЕПТ ТОРТИКА ДЛЯ ШИШИТ

— Фенечка, ну что тебе стоит, — уговаривает кошку девочка, — он совсем не такой противный, как кажется. Он совсем безобидный.

— Ни-ког-да, — отрубает Фенечка. — Он мне хвост дверью прищемил? Прищемил. Он мне на голову горшок с маслом скинул? Скинул. Он меня в гадости этой, в варенье, измазал? Измазал. И все это, не считая мелких пакостей. Ни-ког-да я не пойду на перемирие с этим негодником. Лучше смерть.

— Ну ты же была котенком, — не сдаётся Анютка, — и тоже шалила. Представь, что шишига — маленький, одинокий котенок.

— Котята хорошенькие, им простительно. А ваш шишига — страшный.

— Он не страшный. Он просто немытый, — вступает в разговор Кузька, — а чумазые все кажутся страшнее, чем есть на самом деле.

— Ни-ко-гда, — упрямится кошка, — и не просите. Вот домовых — люблю. А шишиг — бр-р-р!

Никак не уговаривается кошка. Махнула хвостом — и в дверь. Оно и понятно. Совсем

растрепал ей нервы шишига. Один хвост в варенье чего стоит!

— Ох, не люблю я интриги плести! — расстраивается Кузька.

— А что это такое? — удивляется Анютка, — новый вид вязания?

— Почти. Только плетутся не нитки, а дела и слова. А сплетаются не носки, а событие. От доброй интриги может получиться дружба, радость или свадьба. От злой — свора, дряпанье и бум. Понятно?

— Не совсем, — честно призналась девочка.

— Сейчас поймешь, — обнадежил ее Кузька. — Мы будем делать приятное кошке и шишиге. Только они не будут знать, что это делаем мы. Потому что мы все будем сваливать на них.

— То есть как будто Фенечка приносит радость шишиге, а шишига — Фенечке? — понимает девочка.

— Умнеет прямо на глазах, — всплескивает руками домовой, — нет, определенно скоро взрослой станет! Придется от нее за печкой прятаться!

— А с ложкой — тоже была интрига? — хитро спрашивает девочка.

— Как это? — хлопает глазами Кузька.

— Грязная посуда действительно убегает от своего хозяина?

— Убегает, — уверенно отвечает домовенок. — Только сама она бегать не умеет, поэтому приходится нам, домовым, ей совсем немножечко помогать.

* * *

Приходит шишига в свое логово, а в тарелочке его чудо невиданное — торт лежит. Да не просто торт, а такой, какой шишиге больше всего по нраву. Первый слой — из мелких сапож-

ных гвоздиков, второй — из отравы мышьиной, вместо крема — деготь березовый, а вместо украшения — сажа из печки и камушки с речки.

— Вкушненько, вкушненько, — хлопает маленькими ладошками шишига. — Где это ты, ложка, мне тортик скрала?

— Тортики красть неинтересно, — отвечает Кузька из-за угла ложкиным низким голосом, — тортики интереснее самим делать. Этот тортик тебе Фенечка сделала и попросила передать.

— Ишь ты, барыня какая, — ворчит шишига, — шама принести не могла.

— Да она же толстая, в норку не пролезет.

— Все равно, — упрямится шишига, — может, гадошти какой в тортик подшипала. Шару там или шливок.

— Не хочешь — не ешь, я обратно отнесу, — пугает Кузька.

— Штой, штой, попробовать надо. Может, и правда вкушненько.

Нравится шишиге тортик, ест, чавкает. Съел, облизался.

— Что кошке-то передать? — спрашивает домовенок ложкиным голосом. Ждет Кузька, что шишига благодарить кошку начнет.

— Хороший тортик, — немного подумав, говорит шишига, — пусть еще приносит.

Даже на улице слышно, как мурлычет Фенечка. Только что полакала она свежих сливок, помыла мордочку и лапки, лежит на солнышке и поет песенку.

— Ну и вид у тебя, Фенечка, будто крынку сметаны слизала, — приступил к делу Кузька.

— Крынку — не крынку, а на блюдце хозяйева расщедрились. Даже и не знаю, с чего это они такие добрые.

— Да разве это хозяйева? — удивился Кузька. — Слышал я, что это шишига тебя угостить решил. «Хорошая, говорит, кошка эта Фенечка, зря я ей столько неприятностей делал».

— Глупость какая, — горячится кошка, — сроду такого не бывало, чтобы шишиги с кошками подружиться хотели. И матушка моя шишиг терпеть не могла, и бабушка, и прабабушка. Глупость какая!

— Вот и правильно, — подзадоривает кошку домовенок, — раз твоя прабабушка шишиг терпеть не могла, то и ты не терпи. Он тебе сливочек — а ты его когтями, он к тебе ласкаться — а ты его зубами.

— Зубами? Когтями?

Задумалась кошка, забыла про домовенка. Лежит, соображает: хорошо ли это, если к тебе ласкаются, а ты — когтями?

А домовенку того и надо. Если Фенечка задумалась — это уже хорошо.

Глава 11

НЕВЕСЕЛЫЕ ДЕЛА

С тех пор и пошло. Некогда Вреднючке стало безобразничать. А когда ему больно-то безобразничать? Пока сервиз свой вычистит, чтобы к другим хозяевам не убежал, пока с цветочками поиграет, пока золу и сажу в печке всю съест — больно понравилась ему зола в кошкином тортике — так и ночь пройдет.

Маленькие пакости он по привычке все же делает. Вчера, например, отгрыз металлические блестящие шарики с кровати бабушки Настасьи и слопал весь табак у деда. Ну так это же от голода, а не хулиганства ради.

И Фенечку больше не обижает. Интересно обижать того, кто обижается и мстит. А чего кошку обижать, если она не мстит, а тортики носит? Скучно.

Да и Фенечка теперь не шипит, когти не выпускает, глаза зеленые не таращит при виде

шишиги. А чего их тарашить, если он хвост ей дверью больше не прищемляет? Да еще если присмотреться, он и правда на котенка похож. Только на очень запущенного. И то понятно: сирота. Некому ему шерстку вылизывать, некому манерам хорошим учить.

Живут они так и не знают, что прознала о них Корогуша. Ох и вредная же была эта Корогуша! Больше всего на свете завидовала она кошкам. Неприятно ей было, что люди кошек привечают, кормят и по шерстке гладят. Есть на земле такие создания: ничего не делают они для того, чтобы их любили, а когда других любят — злятся.

Обращалась Корогуша в кошку и пакостила хозяевам, а те считали, что это их родная кошка хулиганит, и наказывали бедняжку. А Корогуша и рада: добилась своего.

Пробралась Корогуша в дом Кузьки и пытается шишигу:

— Говорят, испортился ты, говорят, совсем безобразничать разучился. Нехорошо это, нельзя это шишигам. Уважать никто не будет. Вас, шишиг, все боятся: и домовые, и дети, и кошки. Вы — главные. А у тех шишиг, что не хулиганят, шерстка выпадает и зубы отваливаются.

— Да я безобразничаю, — оправдывается шишига, — на цветочки брызгаюсь, золу из печки ворую, мусор из углов съедаю, паукам и таракашкам рожи страшные строю.

— Неправильно ты безобразничаешь! — ругается Корогуша, — смотри, как безобразничать надо!

Тут же обращается она в Фенечку и начинает давать урок шишиге.

Подскочила к окну, вцепилась когтями в занавеску — занавеска в клочья. По пути лапой горшочек с самой молоденькой геранькой скинула, с той, у которой по белому цветку яр-

ко-алая кайма шла. Запрыгнула на полку с посудой — лапой по чашкам, лапой по ложкам, лапой по плошкам — звон, шум, переполох.

А потом прыгнула в печку, пощекотала хвостом ей ноздрю, печка и чихнула. Громко так чихнула, басовито. Зола вся сизым облачком избу заволокла, в этом облачке растаяла Корогуша. Не насовсем, конечно, растаяла, просто невидимой стала.

Тут бабушка свечу зажгла. Видит — полон дом чудовищ чумазных, с физиономиями страшными. Самое большое бородатое чудовище на полу лежит, басом воет, самое маленькое в Анюткиной кроватке сидит, тонким голоском пищит.

Сначала испугалась бабушка Настасья, а потом поняла: никакие это не чудовища, а ее дед да Анютка. Просто зола из печки перепачкала их лица, вот и стали они страшными и неузнаваемыми.

Встал тут дед с пола, строго посмотрел на Фенечку и говорит громовым голосом:

— Чтобы духу твоего в моем доме не было. Не оправдала ты моего доверия, прогоняю я тебя. Иди, мыкайся по белому свету, пока не найдется наивный человек, который пустит тебя в свой дом.

Дед совсем не был злым. Просто он не знал, что это Корогуша в образе Фенечки в доме разгром учинила.

Пробовала Фенечка объяснить деду, что виноватая она, а он не слушает. Не понимает он кошачьего языка. Твердит одно:

— Вон из моего дома!

Опустила кошка голову, поджала хвост пушистый и ушла. Недалеко, правда, ушла. Никак не могла она поверить, что несправедливость восторжествует на свете.

До рассвета прибирались в избе бабушка, дед и Анютка. Кузька тоже помог, чем мог. Под утро легли сны досматривать. Все легли, даже домовенок. Расстроился он, что не смог вовремя Корогушу заметить и прогнать. Тихо в доме, только ходики тикают. Ходики тикают, да маленький шишига носом хлюпает. Жалко ему свою любимую гераньку. Привык он к ней.

— Правда, весело? — слышит вдруг, он вкрадчивый голос.

Оглянулся шишига — никого. Сначала никого, а потом как из-под земли Корогуша выросла.

— Чего веселого? Чего веселого? — накинулся на нее шишига. — Чего натворила? Цветочек мой шломала, на кого я теперь брызгаться буду? Кто мне теперь шапочки дарить будет?

— Зачем дарить? Иди да оборви все цветочки на подоконнике, вот тебе и будет шапочек целый воз.

— Это уже будут не шапочки, — размазывает слезы по мордочке шишига, — это уже просто цветочки! А зачем кошку прогнала? Она мне тортики варила!

— Сам будешь варить.

— Я не привык шам, я рецепта не знаю! — горячится шишига. — И тарелки с чашками зачем перебила? К кому моя пошуда в гошти ходить будет? Придется ей в другой дом идти, заблудится еще!

— Скучно с тобой стало, шишига, — зевает Корогуша, — но ты не бойся. Я так просто не уйду. Я не позволю, чтобы у тебя от добрых поступков шерстка выпала и зубы отвалились. Я из тебя такого шишигу сделаю — все бояться будут. Не только шишиги, но и домовые.

Глава 12

ВЕРНИТЕ ФЕНЕЧКУ

Разбился горшок с шишигиной геранькой, сломался стебелек у растения. Попричитала бабушка Настасья, сгребла все на совок да и

выкинула. Незачем в доме разбитый горшок, незачем погибший цветок.

Только шишига проследил, куда бабушка цветок выкинула, перетащил в свою норку осколки, стебелек и стал герань выхаживать. Давно подсматривал он за Анюткой, как она о цветах заботится, вот и научился.

Сначала горшок склеил, земли хорошей туда наносил. Потом воткнул в землю сломанный стебелек и начал каждый день за щекой воду носить — поливать да сбрызгивать. Чтобы гераньке нестрашно было, в стене окошко на белый свет прогрыз. Теперь часто солнышко в его норку заглядывало, своими лучиками лепестки цветка перебирало.

Сидит как-то шишига возле своего цветка, разговаривает:

— Я тебя поливаю-поливаю, листики протираю-протираю, вредителей гоняю-гоняю, а ты шо мной не разговариваешь. Говори быштро!

— А ты с ним ласково поговори, — советует ложка.

За ложку говорит, конечно, опять Кузька. Он давно прячется за углом шишигиной норки.

— Я не умею лашково, — капризничает шишига, — не приучен.

— А ты приучись!

— А как?

— Повторяй за мной: цветочек, красивенький, поговори со мной, пожа-а-алуйста!

— Цветочек, красивенький, поговори со мной быштро, — не совсем правильно повторяет шишига.

— Не быстро, а пожа-а-алуйста, — сердится Кузька.

Сердится и от этого говорит уже своим нормальным голосом, а не ложкиным.

— Не быштро, а пожа... А кто это со мной разговаривает?

— Я, твоя ложечка, — опять низким голосом отвечает Кузька.

Но шишигу уже не проведешь. Он, конечно, невоспитанный, но совсем не глупый.

— Это сейчас ложка, а до этого — не ложка.

Тут и Кузьке надоело в прятки играть. Он, конечно, хотел перевоспитать шишигу, но что-то из этого не совсем хорошее дело получается. Вот и кошку из дома выгнали, а какой без кошки дом? Без кошки дом не настоящий.

Выскочил он из своего угла и говорит шишиге:

— Ну и не ложка я, не ложка! Ну и что? Зато я — самый настоящий домовый. А домовым быть лучше, чем ложкой.

— Подслушивал? — сердится шишига. — Цветочек мой отнимать пришел?

Тут только Кузька герань заметил. Смотрит — жива герань. Листики зеленые, новые бутоны к окошку тянутся. Обрадовался он, подбежал к шишиге, лапку ему жмет, по плечу хлопает.

— Вот умница! Вот диво-диво удивление! Сама бабушка Настасья цветок выкинула, а ты смог его выходить! Вот радость!

Тут и шишига растаял. Все время ругаться и ворчать — очень тяжелая работа. Ни один шишига долго не выдержит.

— А вот бутончик, — хвастает он, — а вот еще один!

Полюбовались вместе геранькой, порадовались, а дальше что делать? Ссориться? Скучно. Лучше подружиться. Они и подружались.

— Кузька, — протягивает руку домовенок.

— Шишига, — представляется шишига.

— А имя у тебя есть?

— Имя? — задумывается шишига. — Кажется, где-то валялось. Но где — я не помню. Наверное, я его потерял.

— Вот тетеха беспамятливая, — всплескивает руками Кузька. — Ну ничего, найдешь. А если не найдешь, мы тебе новое раздобудем.

Знаешь, сколько бесприютных имен по свету мается! Сейчас главное не это. Сейчас главное — Фенечку в дом вернуть и Корогушу прогнать.

— Фенечку вернуть? — радуется шишига.

Полюбилась ему кошка. Не только за тортки полюбилась, а за мягкий животик, за нежный голосочек, за игривый характер. Хорошо было бы для такой кошки другом стать!

— А это не будет добрым поступком? — настороженно спрашивает он у домовенка.

— Конечно, будет, — радуется Кузька.

— Тогда я не буду Фенечку возвращать, — грустит шишига, — мне нельзя добрые поступки совершать. От них шерстка выпадает и зубы отвалятся.

— Смотри! — горячится Кузька. — У меня зубы — во! Шерстка — во! Мышцы — во! Кулаки — во! И ничегошеньки не отваливается! А я этих добрых поступков несколько миллионов за семь веков насвершал.

— Нешколько миллионов? — удивляется шишига. — А это много?

— Даже больше, чем пять, — авторитетно заявляет Кузька.

— И ничего не отвалилось? — радуется шишига.

— Ничего! — выгибает грудь колесом домовенок.

— Тогда и я не боюсь! Тогда и у меня не отвалится! Тогда и я миллион добрых поштупков шовершу! А это даже больше, чем пять!

— Я вот чего надумал, — шепчет ему Кузька.

Сидят в норке шишига и домовенок, шепчутся, интриги плетут. Хорошо в норке у шишиги! Солнышко в окошко светит, цветочек стоит, постелька лежит, посуда чистая. И Корогуши нигде рядом нет. Не знает она про шишигину норку, да и знать ей незачем.

Глава 13

КАК ПРОГНАТЬ КОРОГУШУ

И вот пришел вечер.

— Свечку сгрыз? — спрашивает Корогуша.

— А как же! Вкусная свечка была! — отвечает шишига.

— Хорошо. Пока бабка будет новую искать, мы в темноте столько безобразий натворим, что отсюда не только кошки, но и люди сбегут. Дедушку в этот раз ронять будем?

— А как же? Уж больно он кричит занимательно. Обязательно будем, — хитрит шишига. — Вот весело будет!

На самом деле ему совсем не весело. Нет, правильно домовенок Кузька говорит, надо быстрее от Корогуши избавляться.

Понимает это шишига, но все равно побаивается: а вдруг, если он за Анютку заступится и Фенечку вернет, у него шерстка выпадет и зубы отвалятся? Жалко ему шерстку, а еще жальче Фенечку. К тому же Кузька обещал, что от добрых поступков никакого вреда не будет. А Кузьке можно верить. Хоть и не умеет домовенок хулиганить, а все равно — хороший.

Постепенно все в доме затихло.

Храпит дед, тихо сопит бабушка Настасья, ровно тикают ходики. Только Анютка не спит. Нельзя ей спать. Должна она помочь Кузьке и шишиге Фенечку вернуть и Корогушу прогнать. Нельзя ей спать, а хочется.

«Я только на минуточку глаза прикрою, все равно в темноте ничего не видно, — думает Анютка, — полежу так, а потом снова открою».

Мал Баюнок, да силен. И снов у него в запасе видимо-невидимо, один интереснее другого: и про далекие страны есть, и про принца на белом коне, и просто про коня, без принца. Выбирай — не хочу.

Сама не заметила Анютка, как уснула. Но это — ничего. Зато Кузька не спит. Домовые — они целыми неделями не спать могут и ничуть при этом не устают, потому что они совсем не такие, как люди.

Сидит Кузька на своем шестке любимом, сидит, ножками болтает, хозяйство свое обзереваает. Хорошо у него в хозяйстве! Порядок везде! Только кошки нет и гераньки самой маленькой на окошке не хватает.

Но это не тревожит домовенка. Знает он, что геранька в норке у шишиги стоит, живая-невредимая, а кошка за дверью притаилась, ждет своего часа.

А вот и она. Только выходит почему-то не из-за двери, а из-под лавки.

Как она туда попала? Кузька ведь точно помнит, что в дом она не входила!

— Ой, голова бедовая, — вдруг вспоминает он, — это же не Фенечка, это Корогуша в нее обратилась!

Теперь надо быть внимательнее.

Вот увидела ненастоящая Фенечка бабушки Настасьи вязанье, улыбнулась противненько — ненастоящие кошки очень противно улыбаются — и тихо так к вязанию крадется. Хочет, наверное, весь носок распустить и нитки спутать.

Но не тут-то было. Спрыгнул Кузька с шестка своего да как плеснет кошке-Корогуше под ноги масла! Испугалась Корогуша, хотела было убежать, да лапы ее по маслу скользят.

Тут и шишига подоспел. Запрыгнул на стол и банку с вареньем прямо на Корогушу опрокинул. Взвыла Корогуша. Растеклось варенье от носа до хвоста, а Корогуши его страсть до чего не любят!

— Анютка — свечу зажигай, — командует Кузька, — шишига — из дома ее не выпускай, Фенечка — попугай ее хорошенько, чтобы век помнила, как в избу мою нос совать!

Такой тут гам поднялся! Анютка дрему прогнала, свечку припрятанную из-под подушки

достала. Горит свеча ярко. Видно, как шишига Корогушу за хвост держит, из дома не выпускает, видно, как настоящая Фенечка в дом вбежала: глаза зеленым огнем горят, коготки из мягких лапок показались. Спинку кошка выгнула, шерсть дыбом, шипит — даже Кузьке страшновато стало. Чего уж про Корогушуту говорить.

А кто бы на ее месте не испугался? Лапы по маслу скользят, варенье глаза залепило, за хвост кто-то держит, в ухо кто-то шипит, да еще перед самыми глазами два зеленых огонька горят.

Бабушка с дедом проснулись, видят — две Фенечки. Только одна вся в варенье да в масле, а другая — нормальная, чистая, на ту, что грязная, лапами машет и шипит. Ничего не могут понять дед с бабушкой Настасьей. А тут Корогуша сообразила наконец-то невидимой сделаться и растаяла в воздухе. Вместе с вареньем. В этот раз уже навсегда растаяла. Кому же захочется в дом возвращаться, где над тобой так подшутили? Корогуши только сами любят над другими шутить, а когда над ними шутят — обижаются. И от обиды уходят навсегда.

Так что осталась в доме только одна Фенеч-

ка — настоящая. А от ненастоящей осталась только лужица масла, да и ту Кузька быстро тряпочкой вытер.

Посмотрел на все это дед, почесал рукой в затылке и говорит:

— Что же это такое получается, бабушка Настасья? Это значит, я зря нашу кошку из дома выгнал и недобрыми словами обругал?

— Так и получается, — вздыхает бабушка.

— Вот теперь и не знаю, — пригорюнивается дед, — как нашей кошке в глаза смотреть. Захочет ли она в дом наш возвращаться? Обидел я ее, крепко обидел.

— А ты ее спроси, — советует бабушка.

А у кошки и спрашивать не надо. Она же весь разговор слышит. Это только люди считают, что кроме них никто их речь не понимает. А на самом деле это не так. И кошки, и лягушки, и даже травинка малая все прекрасно понимают. Только виду не подадут, потому что стесняются.

Прыгнула Фенечка деду на колени, трется об него головой, мурлычит.

Дед слов песенки не понимает, но видит, что простила его кошка. Гладит ее рукой и радуется.

А шишига сидит под лавкой и проверяет, не отвалились ли у него зубы. Страшно сказать: за один день столько хороших дел сделал! И совсем не стыдно ему за эти хорошие дела!

Глава 14

ПОЧЕМУ ДЕЛА НЕ КУСАЮТСЯ

— Ой, щекотно, ой, не могу, — заливается шишига.

Непривычно ему. Никогда еще лохматульки его никто не вылизывал. Держит шишигу кошка двумя передними лапами, мягко держит, коготки не выпускает, а сама языком его шерстку чистит. Язык у нее шершавый: и моет, и сразу причесывает. На глазах хорошеет шишига. А Кузька вокруг вертится, мешает, замечания делает, советы подает:

— Не так ты лижешь, теха-недотеха, не так, надо против шерсти лизать, тогда шерстка пышнее лежать будет.

— Против шерстки неприятно, — не обижается кошка, — если я против шерстки лизать буду, он своим криком всех мышей в округе распугает. Безработная останусь.

— Ой, лицо не надо, — пищит меж тем ши-

шига, — я лицо отродясь не мыл, его мыть нельзя, а то нос кривой будет.

— Кто это тебе сказал? — испугался Кузька.

Он-то лицо, почитай, каждый день моет. А в зеркало давно не смотрелся. Может, у него уже нос кривой, а он не знает?

— Корогуша сказала, — прикрывает руками мордочку шишига.

— Нашел кого слушать, — горячится Кузька, — давай, Фенечка, мой ему мордочку, хоть посмотрим, какой он под грязью!

— Не дамся, — кричит шишига, — я щекотки с младенчества не переносу.

— Ну что с ним делать? — суетится домовенок. — Как умыться заставить?

— А ты как умываешься? — шепчет на ухо Кузьке кошка.

— Летом в росе бегаю, а зимой в снегу кувиркаюсь, — тоже на ушко отчитывается Кузька.

— Возьми его с собой, — тихонечко предлагает кошка.

— Понял! — радостно хлопает себя по лбу ладошкой Кузька. — Не будем умываться, — говорит он уже шишиге. — Шалить пойдем.

— А это не опасно? — осторожничает шишига.

— Нет. Это почти как безобразничать.

Взялись за ручки домовенок и шишига и побежали на луг.

— Давай, кто больше росинок сшибет? — кричит домовенок. — Я первый — раз! — Прыгает Кузька и хлопает ладошкой по росинке.

— Я — второй — раз! — подпрыгивает шишига.

Звонкая капля ударяет его по носу, от этого делается свежо и приятно.

— Два! — кричит Кузька и сбивает вторую каплю.

Капля срывается и летит прямо в мордочку шишиге.

— Ах, так? — сердится шишига. — Тогда вот тебе: два, три! — Он шлепает двумя ладошками сразу по двум росинкам, и две большие капли друг за дружкой летят в сторону Кузьки.

Но домовенка нигде нет. Капли шлепаются на землю и растекаются.

— Домовенок, где ты? — опасливо озирается шишига. — Я один боюсь!

— А вот я! — хохочет откуда-то сверху Кузька, и целый душ из росинок обрушивается на шишигу. — Три, четыре, пять, миллион!

— Так не чешно, не чешно, ты не говорил, что можно целые цветочки трясти!

Шишига размазывает по лицу капли росы и сам не замечает, что умывается. Умылся и грозит Кузьке отмытым розовым кулачком:

— Ну берегись!

Шишига и домовенок с хохотом и визгом бегут по лугу, пока Кузька не спохватывается:

— Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Солнце высоко, а дела не делаются! Лежат себе пузом кверху, ножками дрыгают! Побежали, поможешь!

Бежит шишига за Кузькой, еле успевает.

— А они не кушаются? — на ходу спрашивает.

Не знает шишига, что такое «дела».

— Дела-то? — тоже на ходу отвечает Кузька. — Нет. Если их вовремя переделать, то не кусаются.

— А мы ушпеем их вовремя переделать? — опасается сердитых дел шишига.

— Вдвоем нам ничего не страшно, — обещает Кузька.

И правда.

Вдвоем они быстро нашли маму потерявшегося цыпленка, вдвоем помогли махать руками чучелу огородному, вдвоем попыхтели с тестом, вдвоем показали печному дыму дорогу в трубу.

Хорошо! Хохлатка рада — сыночек нашелся, чучело радо — вороны по чужим огородам разлетелись, тесто радо — поднимается, дымок белый из трубы к облачкам летит. Хорошо!

— А теперь пойдём к лошадке, — командует Кузька.

Весело заплетать косички у лошадки! Грива у нее длинная, хвост пышный. Сначала косилась лошадка на шишигу, опасалась, а потом привыкла. Соревнуются шишига и Кузька, кто больше косичек заплетет. Как не старается Кузька, а у шишиги косички лучше получаются — ровнее, аккуратнее.

— Ох, беда-беда, огорчение, — причитает домовенок, — позор на мои лапти. Всю жизнь косички лошадке плету, а какая-то шишига неопытная меня в два счета обогнала. Вот те-теха-неразумеха!

Хохочет шишига, заливается, приятно ему что он такого опытного домового в соревновании победил. А Кузька чернее тучи: нахохлился, нахмурился, губу нижнюю выпятил, горюет.

— Не печалься, — сжалился шишига, — ты невиноватый. Прошто я — девочка, а девочки всегда лучше всех косички плетут.

— Ты девочка?! — забыл свою досаду Кузька. — А чего ты раньше не сказала? А где бантики? А где юбочка? А где косы русые до пят?

— Да я и забыла, что я девочка. Теперь вот косички заплетать штала и вшпомнила. А про бантики и юбки я шлыхом не шлыхивала, видом не видывала. Чего это? Это вкусное или кушается?

Ничего не ответил Кузька. Схватил за руку шишигу-девочку и бегом к Анютке.

— Вот, — говорит, — на тебе. Разбирайтесь тут между собой, но чтобы к вечеру эта шишига была на девочку похожа. А то в обществе с ней показаться стыдно.

ВОТ И ИМЯ НАШЛОСЬ

Постаралась Анютка. И иголка бабушки Настасьи в этот раз уже пальцы не колола и материю не сборила.

Хороша шишига в новом платье! По алому полю белые горохи разбегаются, юбка волнами лежит. Коса до пят, правда, из шишигиных лохмук не получилась, но зато получилось много маленьких косичек. Торчат косички по всей голове, а на конце каждой по бантику. Один белый, другой красный, один белый, другой красный. Красиво!

Как убрали с лица шишиги лохматульки, сразу стало видно, что кроме глазок блестящих есть у нее и носик аккуратненький, пуговкой, и рот красивый, до ушей, и ушки-пельмешки. Смотрит Кузька, не налюбуется. Только Фенечка недовольна. Пока не причесали и не нарядили шишигу, она больше на котенка была похожа. А теперь — больше на девочку. Не понимает кошка, как ее теперь воспитывать, каким хорошим манерам учить: кошачьим или человеческим?

— Пусть Анютка учит человеческим, а ты учи кошачьим, — решает Кузька, — а там посмотрим, что получится.

— А ты учи домовячьим манерам, — подхватывает Анютка.

— Ну уж нет, — устало вздыхает домовенок, — не буду. Притомился я шишиг воспитывать. Лучше уж по своим делам, по домовиным, буду. Это как-то привычнее. И так дом запустил. За печкой — пыль, в варенье — муха, на полу — игрушки, гостей сто лет не было. Помогите-ка: я пойду муху из варенья выуживать, шишига пусть пыль за печкой съест, Фенечка — гостей намывает, а ты, Анютка, юлу с пола подними да на полку с игрушками положи.

Разошлись все по комнате по своим делам, а шишига вдруг как закричит дурным голосом:

— Нашла, нашла!

Кузька от перепугу сам чуть в варенье не утонул, Анютка юлу выронила, а шишига не понимает.

— Учите ее скорее хорошим манерам, — кричит домовенок Анютке и Фенечке, — пока у меня уши не отвалились!

— Нашла, нашла, — уже тише, вежливее говорит шишига. — Имя свое нашла.

— Где? — подскочил Кузька.

Не терпится ему раньше всех шишигино имя посмотреть. Бегает он вокруг шишиги, во все щели заглядывает, нигде не может имя увидеть.

— Вон оно, у Анютки в руках, — почти тихо кричит шишига, — отдай мне быштро, пожа-а-алуйшта!

— На, — протягивает шишиге юлу Анютка, — только это не имя, а игрушка. Может, тебя как-нибудь по-другому зовут?

— Может, по-другому, — сомневается шишига, — а может, и не по-другому.

— Может, Юшкой? — облизывается Фенечка.

— Юшка — это суп из рыбы, а не имя, — прыгает на месте от нетерпения Кузька.

— Может, Юнга? — предлагает Анютка.

— Юнга — это неизвестно кто, но тоже в воде водится, как и рыба, — сердится домовенок.

— Случайно, не Юбка? — неуверенно бормочет Кузька и сам же себе отвечает: — Нет, не Юбка.

— Кажется, Юлька, — вспоминает наконец шишига. — Точно! Так меня и звали: шишига Юлька!

— Ура! — прыгает домовенок. — Шишига Юлька имя свое нашла! Радость пришла в наш дом!

* * *

Так вместо Вреднючки появилась шишига Юлька. Вскоре и другие шишиги из отпуска вернулись. Рассмотрели они новую шишигу, экзамен у нее приняли.

Экзамен Юлька на «пять с плюсом» сдала. Всю ночь бабушке носок довязывала. Встала утром бабушка, очки надела и руками всплеснула:

— Господи! Да когда же я носок-то довязать успела? Да чего-то неровно, да чего-то коряво, знать, стара стала, очки пора менять.

Смеются шишиги, покатываются: ловко ба-

бушку Настасью надули. И взяли они шишигу Юльку в свою шишигину семью. Даже сами стали хорошим манерам учить. А со временем портрет Юльки на «Доску почета шишиг» повесили.

Появились среди шишиг у Юльки свои подружки. Весело живут шишиги, шумно. Иногда немного шалют, но так, чтобы хозяевам не обидно было. Совсем не шалить шишиги не могут, на то они и шишиги, а не домовые.

А самое главное в том, что все теперь шишигу Юльку любят.

Любят взрослые шишиги — научилась Юлька тортики из гвоздиков готовить и не жадничает, всех угощает.

Любят подружки — попросила Юлька Анютку и для них красивые платья сшить, ни у кого в деревне больше таких нет.

Любит кошка — иногда расплетает Юлька свои косички, становится на котенка похожа и разрешает Фенечке свои лохматульки вылизывать.

Любит Кузька — а чего не любить шишигу, если она не безобразничает по-крупному, а просто шалит понемножку?

Любит геранька с ярко-алой каймой. Вытащила шишига гераньку из норки и поставила в

дом на окошко. Совсем взрослая стала геранька.

Любит бабушка. Знает она, конечно, кто каждую ночь ей носок неправильно довязывает, всю пряжу путает. Но не сердится. У маленьких сначала всегда все не так получается, а потом — ничего, даже лучше, чем у взрослых.

Все любят шишигу Юльку. А чего ее не любить? Поняла шишига, что делать приятное ближним так же весело, как и пакостить, но гораздо полезнее и приятнее, потому что на добро ближние отвечают добром. А самое главное, что узнала шишига Юлька, так это то, что от умывания нос кривой не становится, а от добрых поступков шерстка не выпадает и зубы не отваливаются. А даже еще крепче делаются...

Для младшего школьного возраста
Галина Владимировна Александрова
ДОМОВЕНОК КУЗЬКА И ВРЕДНЮЧКА

Сказочная повесть

Художник *А. Шахгелдян*

Редактор *М. Калугина*
Художественный редактор *Н. Василевская*
Компьютерная верстка *А. Марьинов*
Корректор *Т. Тарасова*

Подписано в печать 21.11.02. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 5.
Гарнитура «Прагматика». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 12 000 экз. Заказ № 3554.

«Стрекоза-Пресс», 118054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.
(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01).

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации по
делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:
(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37
107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

*Как убрали с лица шишиги
лохматульки, сразу стало видно,
что кроме глазок блестящих есть у неё
и носик аккуратненький, пуговкой,
и рот красивый, до ушей, и ушки-
пельмешки. Смотрит Кузька,
не налюбуется.*

БШ/ДОМОВЕНОК КУЗЬКА 117
Код. 30763 Цена. 48.50 руб.

